

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР

ИЗДАЕТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МЕСТОБЛЖЕННАГО ПАТРИАРХА ПЕРВОГО ПРЕСТОЛА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО РАФАИЛА

3 (Февраль 2004)

В номере:

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СВЯЩЕННОГО СОБОРА 1917-1918 ГОДОВ, КАСАЮЩИЕСЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ И УПРАВЛЕНИЯ – ЕДИНСТВЕННАЯ КАНОНИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ (Из доклада митрополита Рафаила к первому пленарному заседанию Поместного Собора Истинно-Православной Церкви в России).
2 стр.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 362 И ЕГО РОЛЬ В НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ (Игумен Иннокентий Павлов).
5 стр.

ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В РОССИИ УКРЕПЛЯЕТ СВОИ ПОЗИЦИИ И РАЗВИВАЕТСЯ (Интервью с главой ОВС ИПЦ митрополитом Кириаком).
7 стр.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ХРОНИКА

ВЕСТИ ИЗ ЕПАРХИЙ

ОБЪЯВЛЕНИЯ
8 стр.

Возлюбленные о Господе Братья и Сестры

Взяв в руки первый номер «Поместного Собора» и увидев это название, читатель знакомый с российской церковной историей сразу сообразит, что оно связано с Поместным Собором Православной Российской Церкви, имевшим место в 1917-1918 гг. и ставшим кульминацией ее исторического развития. Поймет он также, что неисполнимость его определений, связанное сначала с внешними обстоятельствами, а теперь и с процессом внутреннего разложения церковного организма в нашей стране являет основную боль современного российского православного сознания, которую издатели газеты стремятся донести до своего читателя. Об этом в ней еще будет немало сказано. Однако начать следует с того, чтобы было определено понятие поместный собор, как оно сложилось именно в православной российской мысли, оказав, впрочем, известное влияние на мысль общехристианскую.

Начать нужно с этимологии славянского прилагательного «поместный». Сразу нужно отметить, что оно приложимо к церковному собранию любого уровня, связанного с местностью того или иного масштаба. В этом отношении название поместный собор

приложимо и к приходскому собранию какого-нибудь сельского храма, способного собрать от силы несколько десятков верных, и к епархиальному собранию, объединяющему законных представителей приходов, монастырей и других церковных учреждений в масштабах епархии, узавзанной с территории какой-либо области или даже нескольких областей. Однако в отечественной церковно-исторической и в церковно-правовой литературе определения Поместная Церковь, и, соответственно, Поместный Собор используются по преимуществу, когда речь идет об автокефальной православной церкви, будь то о древнем патриархате, либо же о национальной церкви, исторически существующей в границах того или иного суверенного государства и объединяющей проживающих в них православных христиан. Понятно, что данное правило может иметь те или иные допущения. Так национальные церкви могут иметь диаспоры, вне границ своих стран. Более того, наличие национальных диаспор в иных странах приводит к православной миссии среди местного населения, так что, например, среди верных Американской митрополии Антиохийского Патриархата встречаются не только православные выходцы с Ближнего Востока, но и обратившиеся в православие коренные американцы. Иногда поместная церковь изначально строится как постоянно действующая миссия, расширяющаяся по своей территории и национальному составу, каковой с конца XVIII столетия является ныне автокефальная Православная Церковь в Америке, выросшая из скромной епархии Православной Российской Церкви. Тем не менее, говоря о Поместном Соборе мы будем иметь в виду не только высший орган законодательной, исполнительной, контролирующей и судебной власти нашей поместной Российской Церкви, но и соборную деятельность внутри нее на приходском, монастырском и епархиальном уровнях.

И вот здесь нужно разбраться с другим славянским словом – собор, имеющим особую этимологию, восходящую к просветительским трудам Апостолов славян свв. Кирилла и Мефодия. То, что мы именуем собором, имея в виду как собрание епископов той или иной местности, так и более широкое представительство поместного церковного общества в лице не только епископата, но и законно избранных делегатов от клира и народа, по-гречески называется *synodos*. Слово «синод» вошло в европейские языки для обозначения руководящих церковных собраний (ассамблей) того или иного уровня. Однако определение «синодальный» в отечественной церковно-исторической литературе закрепилось, главным образом, не за принципом соборной деятельности, а за историческим периодом и системой церковного управления в период 1721-1917 гг., когда высшую власть в Российской Церкви осуществлял созданный по повелению Петра I в рамках его государственных преобразований Святейший Правительствующий Синод, пришедший на смену Московскому Патриарху и Освященному Собору. В свою очередь в XIX в. сначала в сочинениях замечательного христианского мыслителя Алексея Степановича Хомякова, а затем и трудах последующих отечественных религиозных философов стало употребляться слово *соборность*, вошедшее без перевода уже в XX веке в мировой христианский лексикон. Достаточно

сказать, что так теперь называется издающийся в Англии журнал, посвященный диалогу с православными церквями. Последний термин связан уже с определением соборная церковь, как в славянском переводе Никео-Константинопольского символа веры передано греческое словосочетание *katholike ekklesia*. Впервые это выражение мы встречаем у мужеапостольного Игнатия Антиохийского, который в

Послании к Смирнянам (VIII.2) пишет: «Где будет епископ, там должен быть и народ, так же как где Христос, там и католическая (соборная) церковь» (перевод прот. П. Преображенского). При этом греческое определение *katholikos* указывает не просто на собрание верных, но и на их целокупность, иначе говоря, на их неразрывное единство. Таким образом, российская православная мысль термин «соборность» обогатило христианскую богословскую мысль, поскольку включило в себя не только принцип представительства, связанный с понятием «синод», но и принцип всеобщности и целостности, предполагающий вовлеченность всей Церкви Христовой в процесс ее создания.

Эта мысль была выстрадана и в многолетней подготовке к созыву Поместного Собора Православной Российской Церкви и в его определениях, вернувшись было ее к тому источнику Апостольского Предания, который следует в Церкви Христовой хранить «ничего не прибавляя и не убавляя» (Учение Двенадцати Апостолов, 4.13). И теперь нам осознающим себя наследниками исторической Православной Российской Церкви следует развернуть движение за возвращение к единственно канонической основе ее бытия, дабы доставшийся нам от мрачного советского прошлого процесс церковного разложения, грозивший самому существованию веры православной в нашей стране, сменился плодотворным деланием на ниве Христовой. И да вдохновят нас на это слова нашего Спасителя, сказанные Его последователям: «Не бойся, малое стадо, ибо благоволил Отец вас сделать вам Царство» (Лк 12:32).

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СВЯЩЕННОГО СОБОРА 1917-1918 ГОДОВ, КАСАЮЩИЕСЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ И УПРАВЛЕНИЯ – ЕДИНСТВЕННАЯ КАНОНИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Из доклада Председателя Священного Синода, митрополита Московского и Коломенского Рафаила к первому пленарному заседанию Поместного Собора Истинно-Православной Церкви в России 3/16 февраля 2004 года, Москва

озлобленные о Господе собраты архипастыри, досточтимые пастыри, боголюбивые братья и сестры!

Обращаясь к нынешнему дню в жизни нашей Церкви, мы вместе с Апостолом Павлом вправе воскликнуть: Ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда вероухом. Ночь убо преиде, а день приближися (Рим 13:11-12). И вправду, по историческим меркам прошел уже не малый срок, как миновала над нашей страной ночь принудительного безбожия, и воссиял день свободы, когда Церковь Христова смогла заговорить во весь голос. Но как нам оценить сие воинство лето Господне приятно (Ис 61:2), имея в виду не только те несказанные благоденствия, кои явил в Своей безмерной милости к Церкви Российской Всемилостивый Господь, но и труды на Его ниве тех, кто призван ее возделывать, не и исключая и нас самих, наследников ревнителей истинного православия и канонического строя нашей Церкви?

Боюсь, однако, что еще бо быхом себе рассуждали (1 Кор 11:31), как того от нас требует Апостол, то, судя нелицеприятно, мы должны были бы признать, что раби нечлокиими семы (Лк 17:10). И не к нам ли, российским христианам, хвалищимся своим православием, наипаче же к церковным служителям, также как и девятнадцать веков назад к христианам Лаодикийцам обращен глас грядущего Судии Праведного: ...глаголеши, яко богат есмь и обогатихся и ничтоже требую: и не вееси, яко ты еси окаянен и беден, и нищ и слеп и наг. Советую тебе купити от Мене злато разжежено огнем, да обогатишия, и одеяние бело, да облещишия, и да не явится срамота наготы твоея: и колдурием помажи очи твои, да видиши. Аз ихже люблю, обличаю и наказую. Ревнуй убо и покаяйся. Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, введу к нему и вечерю с ним, и той со Мною. Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моём, якоже и Аз обещал и седох со Отцем Моим на престоле Его (Откр 3:17-21).

Действительно, когда один остаток исторической Церкви Российской в лице Московского Патриархата крепил отношения с нынешней российской властью, умножая за счет ее так называемого «административного ресурса» имущество и прочие преходящие земные блага, другие ее части, будь то Русская Зарубежная Церковь, будь то духовные наследники Церкви Катакомбной, взира на это, кичились уже заметно поближе к великой своей ризе, и, вместо собрания сил, прибавляли новые разделения и нестроения. Какой же плод мы имеем по прошествии стольких лет свободы и благоприятных условий для церковного делания?

Последние данные Министерства внутренних дел России, переданные 8 января 2004 г. по н. ст. официальным агентством «РИА-Новости», свидетельствуют, что только 3 миллиона россиян, при населении страны в 145 миллионов человек, посетили в истекшем году рождественские богослужения. Таким образом, практикующими православным веру в день великого церковного праздника явилось себя немногим более двух процентов населения страны, тогда как в ее столице и церковном центре таковых оказалось, вообщем, немногим более одного процента (118, 5 тыс. чел. из 10, 5 млн чел. населения Москвы). Следует учитывать, что сотрудники органов внутренних дел в виду необходимости обеспечивать общественную безопасность считают лишь общее количество людей в случае их массовых скопления, не ведя их учета по половозрастному признаку. Но и без специального социологического исследования нам, церковным деятелям, известно, что в наших рядах преобладают пожилые люди. Таким образом, сейчас со всей остротой встает вопрос о сохранении в нашей стране православной веры, о передаче сокровища православной церковности следующим поколениям. При этом следует иметь в виду, что раздающиеся порой до сих пор ссылки на «годы безбожного лихолетья», имеющие целью объяснить не только внешнюю, но и себе самим причину малочисленности людей, собирающихся в православные российские храмы, должны теперь восприниматься не иначе как демагогия, поскольку прошло уже более чем достаточно времени для воссоздания канонических и практических условий, необходимых для успешного осуществления Российской Церковью своей спасительной миссии в нашей стране.

Жизнь свидетельствует, что ни использование «административного ресурса» государственной власти, ни суетные инициативы политиков, пытающихся решать собственные задачи под «православным» знаменем, ни к чему положительному не могут привести,

когда речь идет о церковном созидании. Никто за нас не решит наших проблем. И не пойдет нам на пользу никакая внешняя свобода, если мы сами не освободимся от власти греха. В связи с этим встает вопрос: какие же первоочередные меры должны предпринять мы, нынешнее поколение православных россиян, чтобы исправить имеющееся печальное положение?

Ответ на него прозвучал в ноябре истекшего 2003 года из далекой Австралии, где пастырское совещание Австралийско-Новозеландской епархии Русской Православной Церкви за границей приняло резолюцию, в которой ясно сказано: «Мы считаем, что наступило время всем частям Российской Поместной Церкви для сближения и возвращения к принципам и духу Всероссийского Поместного Собора 1917-18 гг. путем переговоров. Ввиду того, что со времени Всероссийского Поместного Собора прошло много лет, возникло много проблем, которые нужно тщательно изучить и возвратиться к каноническим нормам соборной церковной жизни. Мы считаем, что этот процесс должен происходить в духе истины, христианской любви и взаимопонимания». (Интернет-сайт «Православие.Ру», 11.11.2003).

Итак, мы видим, что, несмотря на наступление вождельной свободы для Церкви, в течение истекших лет Московская Патриархия, привыкшая за годы безбожной идеократии чувствовать себя в нашей стране таким «православным монополистом», не предприняла необходимых усилий для восстановления в церковной жизни начал соборности на основе определений Священного Собора 1917-1918 годов, являющихся для Православной Российской Церкви нормативными. Именно гонения на веру Христову, развернувшиеся в России с 1918 г. и последовавший затем в 1922 г. развал церковной структуры, осуществленный большевиками и их приспешниками в церковных рядах, не позволили нашей Церкви жить в соответствии со своим традиционным укладом, что и явилось причиной всех известных искажений во внутрицерковной жизни. Но вот теперь, казалось бы, ничто извне не мешает восстановить ее нормальное течение, как оно было определено соборной волей в соответствии с Преданием. Можно посетовать на то, что инициатива российских пастырей из далекого рассеяния пришла слишком поздно, да и сами мы раньше, постоянно говоря о соборности Церкви, не решались на подобный почин. Но близится час, когда этот вопрос встанет уже таким образом: что или теперь или никогда. Ведь совершенно очевидно, что успешной миссия Российской Церкви может быть только в том случае, если те, кого Господь призывает, обретут именно Церковь как Тело Христово, создаваемое любовью ее полноправных членом, а не бездушный комбинат ритуальных услуг со строгой таксой, с чем им теперь приходится сталкиваться сплошь и рядом. А для этого и следует возродить в нашей церковной жизни те начала, которые, Духу Святому содействуя, были определены нашими славными предшественниками на Московском Священном Соборе, дабы ничто, имея в виду человеческую греховность, проникающую в том или ином облики в церковную ограду, не препятствовало созиданию Церкви.

Что же касается «пути переговоров», к которому призываются в вышеозначенной резолюции все части Российской Поместной Церкви, то здесь следует сказать только одно: в эти переговоры должны быть вовлечены, действительно, все части исторической Церкви Российской и они должны вестись честно и открыто в духе православной церковности.

Но прежде чем мы, наследники ревнителей православной веры и канонической правды, объединенные в России в Истинно-Православную Церковь, внесем свои предложения относительно путей будущего восстановления Православной Российской Церкви, необходимо представить для нас самих и для всех, кому не безразлично сие святое дело, как ту каноническую основу, на которой только и может строиться это восстановление, так и тот исторический путь, который прошла Церковь Российская в эпоху своих нестроений, дабы ясно понимать стоящие теперь перед ней задачи.

За девять с лишним веков от Крещения Руси до Священного Собора 1917-1918 гг. Православная Российская Церковь прошла долгий путь становления. Сначала она развивалась как самая крупная по занимаемой территории митрополия Константинопольского Патриархата, затем, перейдя в пределы Московского государства к автокефальному бытию, была увенчана в 1589 г. патриаршеством. Наконец, именно ее, пожалуй, наиболее болезненно затронули петровские преобразования, когда в течение без малого

двухсот лет по отношению к ней реализовывались чуждые ее природе начала цезарепатризма. Тем не менее петербургский или же синодальный период ее истории был и временем развития в ней духовного образования, богословской мысли, самоотверженного миссионерства на необъятных просторах Империи и за ее пределами и, наконец, пробуждения церковно-общественной активности, имевшей результатом постановку в 1905 г. вопроса о необходимости преобразований в строе церковной жизни на основе традиционных начал соборности. Тогда законная высшая церковная власть в лице Святейшего Правительствующего Синода обратилась ко всем правящим архиереям Православной Российской Церкви с вопрошаниями о требуемых преобразованиях, а затем в 1906-1907 гг. Высочайше утвержденное Предсоборное Присутствие провело в своих отделах серьезную работу по обобщению собранных мнений и выработке рекомендаций для будущего Поместного Собора. К этой работе были привлечены как видные иерархи, так и известные своими выдающимися трудами церковные ученые и общественные деятели. И хотя внешне обстоятельства не позволили собрать Собор в первоначально намеченные сроки, эти труды не оказались невостребованными. Спустя десять лет, когда, с одной стороны, пали внешние препятствия к соборной деятельности, а, с другой, страну охватила политическая смута, со всей остротой встал вопрос об обустройстве Российской Церкви в соответствии с ее соборной волей на традиционных для нее началах.

Здесь нет смысла пересказывать многое из того, что в последние годы благодаря трудам церковных историков мы знаем об обстоятельствах многолетней подготовки, созыва, деятельности и определений Священного Собора 1917-1918 годов. Отметим лишь самые принципиальные связанные с ним положения.

Первое. Этот Собор, как созданный законной высшей церковной властью в лице Святейшего Синода и собравший полномочных представителей всей полноты Православной Российской Церкви – правящих епископов и избранных представителей клира, монашеских и мирян, является ее последним каноническим Собором и потому только его определения, касающиеся церковной жизни и управления, имеют для нее законную силу. Не может быть и речи о признании равного ему канонического достоинства за так называемыми Поместными или Архиерейскими Соборами Русской Православной Церкви, собирающимися Московско-Патриархией, начиная с 1943 г., в виду их несоответствия канонической процедуре, определяющей в Российской Церкви начало соборности. Также нужно признать, что созываемые после 1918 г. различные соборы, будь то Русской Православной Церкви за границей или же других связанных с исторической Православной Российской Церковью церковных образований как в нашей стране, так и за рубежом, имеют лишь частное по отношению к ней значение и посему также не могут претендовать на равное Московскому Священному Собору достоинство.

Второе. Соборный процесс воссоздания Православной Российской Церкви необходимо начинать с восстановления всеми заинтересованными в таком процессе сторонами действующих принятых на Московском Священном Соборе Приходского устава и определений: «О монастырях и монашеских», «О епархиальном управлении» и «О единоверии». Следующим этапом данного процесса должна стать уже подготовка очередного Священного Собора Православной Российской Церкви, при том, что для нее сохраняют свое принципиальное значение следующие определения Московского Собора 1917-1918 гг.: «О высшем управлении Православной Российской Церковью», «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», «О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления», «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России» и «О порядке избрания Святейшего Патриарха».

Зная это, мы полагаем своим священным долгом не только представить при сем учлаем своего священного Собрания и всем заинтересованным лицам тексты означенных определений, но и дать самые необходимые объяснения, касающиеся их актуальности для современной церковной жизни.

Нет смысла много говорить о том, что основой Церкви Христовой является поместная община верных, то есть приход, находящийся в единстве со своим епископом. И именно фиксированное членство в приходе, о котором ясно сказано в главе IV-й Приходского Устава, позволяет православному христианину говорить о его принадлежности к Единой, Святой, Соборной и Апо-

тольской Церкви. Это важнейший принцип православной церковности, коим, как известно, в современной российской церковной жизни как правило пренебрегают, в виду чего православный народ из разряда членов Церкви низводится на положение клиентов при требовании. Другим принципиальным положением Устава является регулярность (не реже двух раз в год) Приходского Собрания, проходящего под председательством настоятеля и при участии всех прихожан, отвечающих четко и недвусмысленно определенным критериям. Именно Приходскому Собранию, находящемуся под каноническим надзором епархиального епископа, и принадлежит, согласно установленной еще Святыми Апостолами Традиции, решение всех приходских дел, касаются ли они направлений и организации церковной деятельности в масштабах прихода, или же вопросов приходского хозяйства и финансов. Существенным является также такое положение Устава, согласно которому, епархиальному архиерею, коему принадлежит избрание и назначение приходских священно- и церковнослужителей, вменяется учитывать при этом кандидатов, о которых ходатайствует Приходское Собрание (ст. 15). Не менее важно, что члены причта могут быть переизбраны и увольнены со своих мест только по суду или по собственному желанию (ст. 16). Стоит ли говорить, что данные канонические нормы исключают возможные злоупотребления, имеющие место в современных российских приходах, о чем нередко приходится ныне читать в средствах массовой информации или слышать от церковных людей.

Далее упомянем соборное определение «О монастырях и монастырях», коим задается норма монастырской жизни, принятая в Православной Церкви и упорядочивается жизнь ученого монашества. Опять отметим актуальность данного определения, поскольку далеко не все благополучно в монастырской жизни в современной России, на что порой обращают внимание отечественные средства массовой информации.

Особую важность сохраняет определение «О епархиальном управлении». Им устанавливается норма церковной жизни на уровне поместной церкви — епархии, которая в российских условиях может объединять в себе десятки, а то и сотни приходов, и занимать обширную по меркам современного православного мира территорию. Принципиальным положением настоящего определения, соответствующего древнейшему церковному Преданию, является выборность клиром и народом епархии как епархиального архиерея, так и органов епархиального и окружного церковного управления (периодически созываемое Епархиальное Собрание и постоянно действующий Епархиальный Совет, благочинные и благочиннические собрания и советы). При этом также важно, что в ведении периодически избираемых органов епархиального управления находятся епархиальные учреждения, их хозяйство и финансы, распоряжение которыми они осуществляют под каноническим надзором епархиального архиерея. Опять же, очевидно, что нормы, установленные Приходским уставом и данным определением, исключают известные злоупотребления, связанные как с произволом епархиального начальства, так и с банальной симонией.

Московский Священный Собор также принял особое определение «О единоверии», которым тогда была нормализована жизнь российских старообрядцев, находящихся в единстве с Православной Российской Церковью, вплоть до постановления им собственной иерархии. Очевидно, что после долгих лет церковной разрухи настало время вернуться и к этому весьма полезному для создания Церкви определению.

Что касается Высшего Церковного Управления, то здесь следует отметить такие установленные Священным Собором 1917-1918 гг. принципиальные и неизменные положения как а) принадлежность в Православной Российской Церкви высшей власти — законодательной, административной, судебной и контролирующей — Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян; б) управление общецерковными делами Святейшим Патриархом Московским и всея России совместно с избираемым Поместным Собором Священным Синодом и Высшим Церковным Советом; в) порядок избрания Святейшего Патриарха, круг его обязанностей и процедура наступления его ответственности.

Известно, что Московский Священный Собор в силу обстоятельств внешнего порядка не смог выполнить всей своей законодательской программы. Его наследие, оставленное следующим поколениям церковных людей России сейчас изучено и хорошо известно. Очевидно, что на нас и на наших преемников лежит священный долг дальнейшего церковного созидания в соответствии с теми предначертаниями и с учетом новых условий жизни Церкви. Однако эта деятельность будет богоугодной и успешной только в том случае, если она будет основываться на том каноническом фундаменте, о котором сказано выше.

Вопрос о преемстве власти в Православной Российской Церкви как на епархиальном, так и на общероссийском уровне в нормальных условиях ее бытия должен быть решаться на основе соответствующих определений Московского Священного Собора. Правда, в условиях зимы-весны 1918 г., когда на Церковь Российскую обрушились невиданные доселе гонения, нормальным порядком избрания епархиальных архиереев была допущена альтернатива, предполагающая «в исключительных и чрезвычайных случаях» их назначение и перемещение высшей церковной властью (примечание 1 к ст. 16 соборного определения «О епархиальном

управлении»). К сожалению, это до сих пор остается обычной практикой, хотя обстоятельства церковной жизни теперь далеки от чрезвычайных.

Однако уже зимой 1918 г. встал вопрос и о преемстве высшей церковной власти в чрезвычайных для Православной Российской Церкви условиях. Только что в Киеве был зверски убит митрополит Владимир, волна террора, направленного не в последнюю очередь против духовенства, захлестнула территории, контролировавшиеся большевиками. Священный Собор совсем недавно избрал Патриарха Московского и всея России и сформировал органы Высшего Церковного Управления, однако над ними, как и над самим Собором, нависла угроза разгона, а над Патриархом расправы. В этих обстоятельствах один из заместителей Председателя Собора профессор Московского университета князь Евгений Николаевич Трубецкий выступил 25 января/7 февраля на пленарном заседании Собора с инициативой поручить Патриарху Тихону на случай непредвиденных обстоятельств (изоляция, смерть) конфиденциально назначить себе «ряд местоблюстителей, чтобы власть от одного, в случае надобности, автоматически переходила к другому, временно — впрямь до издания особых правил о местоблюстителях» (цит. по: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга VI: деяния ЛХХ. — Москва: издание Соборного Совета, 1918. — С. 74). Это предложение без обсуждений единогласно было принято в качестве соборного постановления и действовало до 28 июля/10 августа того же 1918 г., когда на третьей сессии Собора было принято особое определение «О Местоблюстителях Патриаршего Престола». На последние обстоятельства следует обратить особое внимание, поскольку в церковной историографии закрепилось неверное суждение о том, что этим постановлением якобы был установлен новый порядок передачи власти председателю (а с ним и высшей власти) в Российской Церкви от Патриарха Тихона к Патриаршим Местоблюстителям, а от них к их Заместителям. На самом деле, как видим, ничего подобного не было.

Другое дело, что в дальнейшем Российской Церкви пришлось существовать в чрезвычайных внешних условиях, в виду которых было необходимо предусмотреть варианты организации церковной власти на случай невозможности следовать нормальной канонической процедуре. Такие варианты и были определены известным постановлением □ 362, принятым 7/20 ноября 1920 г. соединенным присутствием Священного Синода и Высшего Церковного Собрания под председательством Святейшего Патриарха Тихона. Следует особо указать, что данному присутствию принадлежала законодательная власть в Православной Российской Церкви в период между созывами Поместного Собора, как это следует из раздела «Г» соборного определения «О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления», который гласит: «Священный Синод и Высший Церковный Совет, каждый в отдельности или совместно по принадлежности, разрешают все недоразумения и вопросы, порожденные неполнотой или неясностью законов и соборных определений» (цит. по: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Выпуск 1. Москва: издание Соборного Совета, 1918. — С. 16).

Приведем здесь законодательные положения постановления □ 362, которыми, собственно и определяется общий порядок организации церковной власти в чрезвычайных условиях.

1. В случае, если Священный Синод и Высший Церковный Совет по каким-либо причинам прекратят свою церковно-административную деятельность, Епархиальный Архиерей за руководственными по службе указаниями и за разрешением дел, по правилам, восходящим к Высшему Церковному Управлению, обращается непосредственно к Святейшему Патриарху или к другому лицу или учреждению, какое будет Святейшим Патриархом для этого указано.

2. В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.п. окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление во главе со Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, Епархиальный Архиерей немедленно входит в сношение с Архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства или митрополичьего округа или еще иначе).

3. Попечение об организации Высшей Церковной Власти для целой группы оказавшихся в положении, указанном в п. 2, епархий составляет, непрерывный долг старейшего в означенной группе по сану Архиерея.

4. В случае невозможности установить сношения с Архиереями соседних епархий и впрямь до организации высшей инстанции церковной власти, Епархиальный Архиерей воспринимает на себя всю полноту власти предоставленной ему церковными канонами, принимая все меры к устройству местной церковной жизни и, если окажется нужным, к организации епархиального управления, применительно к создавшимся условиям, разрешая все дела, предоставляемые канонами архиерейской власти, при содействии существующих органов епархиального управления (Епархиального Собрания, Совета и проч. или вновь организованных); в случае же невозможности составить вышеуказанные учреждения — само-

лично и под своею ответственностью.

5. В случае, если положение вещей, указанное в пп. 2 и 4, примет характер длительный или даже постоянный, в особенности при невозможности для Архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной (в смысле утверждения церковного порядка) мерой представляется разделение епархии на несколько местных епархий, для чего Епархиальный Архиерей:

а) предоставляет Провоизициям своим викариям, пользующимся ныне, согласно Наказу, правами полусамостоятельных, все права Епархиальных Архиереев, с организацией при них управления, применительно к местным условиям и возможностям;

б) учреждает, по соборному суждению с прочими Архиереями епархии, по возможности во всех значительных городах своей епархии новые архиерейские кафедры с правами полусамостоятельных или самостоятельных.

6. Разделная указанным в п. 5 образом епархия образует из себя во главе с Архиереем главного епархиального города церковный округ, который и вступает в управление местными церковными делами согласно канонам.

7. Если в положении, указанном в пп. 2 и 4, окажется епархия, лишняя Архиерея, то Епархиальный Совет или, при его отсутствии, клир и миряне обращаются к епархиальному Архиерею ближайшей и наиболее доступной по удобству сообщения епархии, и означенный Архиерей или командироват для управления вдовствующей епархии своего викария, или сам вступает в управление ею, действуя в случаях, указанных в п. 5, и в отношении этой епархии согласно пп. 5 и 6, причём при соответствующих данных вдовствующая епархия может быть организована и в особый церковный округ.

8. Если по каким-либо причинам приглашения от вдовствующей епархии не последует, Епархиальный Архиерей, указанный в п. 7, и по собственному почину принимает на себя о ней и ея приделах попечение.

9. В случае крайней дезорганизации церковной жизни, когда некоторые лица и приходы перестают признавать власть Епархиального Архиерея, последний, находясь в положении, указанном в пп. 2 и 6, не слагает с себя своих иерархических полномочий, но организует из лиц, оставшихся ему верными, приходы и из приходов — благочиния и епархии, представляя, где нужно, совершать богослужения даже в частных домах и других приспособленных к тому помещениях и прервав церковное общение с непослушными.

10. Все принятые на местах, согласно настоящим указаниям, мероприятия, впоследствии, в случае восстановления центральной церковной власти, должны быть представляемы на утверждение последней. (Цит. по: «Церковные ведомости» (Белград). — 1926, □ 17-18. — С. 6-7).

Первое обстоятельство, на которое указывает п. 1: прекращение деятельности Высшего Церковного Управления, что влечет за собой передачу до первой возможности созвать Поместный Собор всей полноты высшей церковной власти Патриарху Тихону или (очевидно, в случае его изоляции или смерти) другому лицу или учреждению, какое будет Святейшим Патриархом для этого указано. Общезвестно, что существует каноническая норма, прямо запрещающая епископу передавать свою власть путем завещания. 23-е правило Антиохийского Собора (330 г.) гласит: Епископу не позволено вместо себя поставять другого, хотя бы он был и при конце жизни. Впрочем, здесь этот канон, как это было и в случае соборного постановления от 25 января/7 февраля 1918 г., не нарушается. Патриарх Тихон не самовольно назначает себе заместителя (лицо или коллегию) на случай печальных для себя обстоятельств, а делает это с церковной санкции, в соответствии с которой такое поручение дается эксклюзивно, то есть только самому Патриарху Тихону и никому более. Последнее принципиальное для понимания дальнейшей российской церковной истории обстоятельство следует из того очевидного факта, что в следующем п. 2 говорится уже о ситуации, связанной с прекращением деятельности Высшего Церковного Управления во главе с Патриархом, когда группы соседних епархий, при невозможности их совместных усилий по налаживанию церковного управления, как это следует из пп. 2, 6, отдельные епархии переходят на временное самоуправление. Это означает, что когда уже нет ни полноценного Высшего Церковного Управления, ни Патриарха Тихона как единственного носителя высшей церковной власти (в связи с изоляцией или смертью), а также не могут нормально функционировать в это же качестве назначенное им лицо или учреждение, коим в исполнение настоящего постановления на эту власть передают, вступают в силу положения, изложенные в пп. 2-9. Иначе говоря, тот, кому Патриарх Тихон передал свои полномочия, не вправе передавать их кому-либо, кроме тех, кто санкционирован его распоряжением, а если таковых нет или они не могут эти полномочия воспринять, то тогда наступает самоуправление епархий и/или их локальных групп (церковных округов).

В полной мере все вышеизложенное было реализовано спустя полтора года после принятия постановления □ 362. Срок полномочий Высшего Церковного Управления, сформированного Московским Священным Собором в 1917 г., подошел к концу, при том стало очевидно, что очередной Поместный Собор созвать в установленные сроки не удастся. А главное, вследствие массован-

ной антицерковной компании, развернутой большевиками весной 1922 г. был арестован Патриарх Тихон (с преданием его революционному трибуналу и перспективой расстрела) и прекратилась деятельность органов Высшего Церковного Управления, в помещениях которого разместились учинившие с подачи властей церковный раскол так называемые «обновленцы». Согласно распоряжению Патриарха, его обязанности временно до созыва Поместного Собора, в соответствии с п. 1 постановления □ 362, должны были перейти к митрополиту Ярославскому Агафангелу. Однако последний не смог их воспринять, поскольку его перевод в Москву в Троицкое подворье и принятие патриаршей канцелярии были обусловлены властями тем, что он должен был стать прикрытием для «обновленцев». Тогда митрополит Агафангел выпускает 5/18 июня 1922 г. свое знаменитое послание, где как носитель высшей церковной власти санкционирует российскому епископату то, что как раз и было предусмотрено пп. 2-9 постановления □ 362. Обращаясь к архиерам, он написал как обычно следующее: «Именные на время высшего руководства, вы управляете теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по советам и архиерейской присяге, впредь до восстановления Высшей Церковной Власти» (цит. по: Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917-1943. — Москва: Православный Свято-Тихоновский институт, 1994. — С. 220). Следует сказать, что мудрое поведение Ярославского святителя позволяло минимизировать урон, нанесенный Российской Церкви выступлением «обновленцев», так что в 1923 г., когда Патриарх Тихон смог вернуться к исполнению своих обязанностей в сознании церковной общественности еще сохранялась надежда на восстановление церковного организма.

Тогда же в 1922 г. на основе постановления □ 362 перешла на временное самоуправление организационно сформировавшаяся к этому времени Русская Православная Церковь за границей, образовавшая своей Архиерейский Синод. Позднее на основании этого же постановления к самоуправлению пришли также два заграничных митрополитских округа — в Северной Америке и Западной Европе.

Однако вопрос о чрезвычайной передаче высшей власти в Российской Церкви уже в лице ее предстоятеля, как это следовало из п. 1 постановления □ 362, продолжал сохранять свою актуальность. В связи с этим Патриарх Тихон стал писать распоряжения о своих заместителях (местоблюстителях) на случай печальных для себя обстоятельств. Документально известно о двух таких его актах: от ноября 1923 г. и от 25 декабря 1924/7 января 1925 г., устанавливающих порядок местоблюстительства в случае его кончины. Согласно последнему из них, он по примеру архиепископа 1918 г. определял трех иерархов (митрополит Казанский Кирилл, митрополит Ярославский Агафангел и митрополит Крутицкий Петр), передав тут же им, кто сможет их воспринять, свои «патриаршие права и обязанности до законного выбора нового Патриарха» (цит. по: Акты... - С. 413), имея в виду выбор на основе соборного определения «в порядке избрания Святейшего Патриарха», принятого 31 июля/13 августа 1918 года. Как известно, должность Патриаршего Местоблюстителя в апреле 1925 г. смог занять митрополит Петр, впрочем, оказавшийся в изоляции в декабре того же года.

Далее, как известно, последовала церковная смута, последствия которой сказываются до сих пор. Причина ее коренится в отступлении митрополита Петра от буквы и духа постановления □ 362, в соответствии с которым (п. 2) в случае невозможности исполнения им своих обязанностей или если должны были перейти к следующему определенному Патриархом Тихоном Патриаршему Местоблюстителю, либо епархии Православной Российской Церкви должны были осуществлять временное самоуправление вплоть до наступления внешних условий, при которых станет возможной нормализация церковной жизни. В свою очередь митрополит Петр, руководствуясь, как тогда представлялось, лучшими побуждениями, связанными с боязнью утраты центра церковной власти при активизации «обновленцев», назначил себе ряд заместителей, не указав первоначально, что сделал это лишь для ведения ими текущих дел. Это привело к тому, что восприняв власть «исправляющего» должность Патриаршего Местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей стал интерпретировать распоряжение митрополита Петра как передачу ему всей полноты патриарших прав, в том числе и распорядительных. В связи с этим первый из иерархов, обозначенных в распоряжении Патриарха Тихона от 25 декабря 1924/7 января 1925 г. в качестве могущего занять должность Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Казанский Кирилл писал в феврале 1934 г.: «Воспринять патриаршие права и обязанности по завещанию могли только три указанных в нем лица, и только персонально этим трем лицам принадлежит право выступать в качестве временного церковного центра до избрания нового Патриарха. Но передавать кому-либо полностью это право по своему выбору они не могут потому что завещание Патриарха является документом совершенно исключительного происхождения, связанного соборной санкцией только с личностью первого нашего Патриарха. Поэтому со смертью всех троих завещанием указанных кандидатов завещание Святейшего Тихона теряет силу, и церковное управление создается на основе указа 7 (20) ноября 1920 г. Тем же указом необ-

ходимо руководствоваться и при временной невозможности сношения с лицом, несущим в силу завещания достоинство церковного центра, что и должно иметь место в переживаемый церковно-исторический момент» (цит. по: Акты... - С. 701). Перипетии церковной смуты 1926 г. общеизвестны: сначала на историческую сцену вышел самозванный Временный Высший Церковный Совет во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием, а затем следующий законный Патриарший Местоблюститель митрополит Ярославский Агафангел по прояскам митрополита Сергея не смог реализовать своих прав.

Однако переломным в российской церковной истории стал 1927 год, когда митрополит Сергей, приняв предложенные ему боготворческой властью условия легализации и дальнейшего управления Церковью, создал Московскую Патриархию, образовав, таким образом, новую систему церковной власти в нашей стране, канонически не связанную с предыдущей, законной. Это вызвало к жизни не только известную оппозицию к нему российских церковных деятелей на родине и за рубежом, но и привело к оформлению Истинно-Православной Церкви, десятилетия стоявшей на страже внутренней церковной свободы и канонической правды. Ниже мы особо рассмотрим возникший в связи с этим и по сей продолжающийся конфликт. А здесь отметим лишь то принципиальное обстоятельство, что, идя на узурпацию высшей церковной власти, митрополит Сергей оправдал свои действия стремлением скорее созвать законный Поместный Собор, который положит предел ситуации чрезвычайщины в Российской Церкви и позволит ей существовать по каноническим установлениям Московского Священного Собора. Так о созыве Поместного Собора как о своей главной цели митрополит Сергей заявлял в обращении к нему народного комиссара внутренних дел от 10 июня 1926 г., где в связи с этим писал: «Дальнейшая наша задача по получению регистрации будет состоять в организации через выборы на соответствующих съездах коллективных органов для руководства церковными делами... Организовавшись так на местах, мы можем приступить к делу созыва поместного нашего Собора во всеобщем масштабе для выбора Патриарха, организации при нем Св. Синода и Высшего Церковного Совета и пр. церковных дел» (цит. по: Акты... - С. 471). В 1928 г., уже легализовавшись в НКВД, митрополит Сергей будет продолжать прилагать усилия к созыву Поместного Собора, хотя внешние условия тогдашнего церковного бытия рождали у многих законный скепсис относительно успешности данных усилий. В любом случае, такого рода действия митрополита Сергея по сей день служат укором созданной им Московской Патриархии, которая, пользуясь с 90-х гг. истекшего XX в. полной внешней свободой, так и не исполнила этого чаяния своего основателя, а именно не предприняла усилий к восстановлению нормального течения церковной жизни на приходском и епархиальном уровне, созыву Поместного Собора и избранию высшего церковного управления на началах, определенных Священным Собором 1917-1918 годов.

В 1926 г. российские иерархи и народ церковный на родине и в рассеянии доверились митрополиту Сергею, несмотря на всю сомнительность его прав на высшую власть в Российской Церкви в качестве ее предстоятеля. Очевидно, здесь имело место боязнь лишиться церковного центра, с оглядкой на который все привыкли действовать, но который при этом фактически утратил свое каноническое качество. Прозрение пришло ко многим уже осенью 1927 г., когда по стовору с ОГПУ в лице неизвестного Е. А. Тучкова и в противоречии с тогдашним гражданским законодательством митрополит Сергей зарегистрировал в НКВД самочинно подобранный им так называемый Временный Патриарший Священный Синод, от лица которого стала проводиться известная политика, получившая название «сергианства» и сводившаяся к соглашательству с боготворческой властью в вопросах внутренней церковной жизни. Это вызвало известную оппозицию курсу новоявленной Московской Патриархии со стороны порядка четверти православного епископата на родине и неприятие его множеством клириков и мирян. Хотя, понятно, что большинство нашего церковного народа тогда внешне проявило конформизм, надеясь, что «мудрый» Сергей сумеет и Собор созвать и обеспечить им тихое и безмятежное житие. Как известно, этим чаяниям не было дано осуществиться. И уже ближайшие годы развели явственно того большинство российских епископов, клириков и мирян, что доверилось митрополиту Сергею. Тем глубже должна быть теперь наша благодарная память о тех, кто разглядел за первыми шагами Московской Патриархии путь, ведущий в тупик, в тот духовный тупик, в который ныне по большей части зашла жизнь Церкви Российской.

Церковным историкам еще только предстоит разобраться в том выявленном и еще находящемся под спудом документальном материале, который позволит представить истинную историю Российской Церкви в период, когда, с одной стороны, ее официальное лицо самочинно стала представлять Московская Патриархия, а с другой, когда с новой силой обрушившиеся на Церковь гонения вынуждали многих епископов, клириков и мирян переходить на положение, позволяющее говорить о наличии в нашей стране Катакомбной Церкви. Отметим здесь только выдающуюся роль в становлении сохранившей верность канонической правде Истинно-Православной Церкви митрополита Ленинградского Иосифа, замечательного подвижника благочестия, видного церковного ученого, бывшего до этого многолетним сподвижником свя-

тител Тихона и Агафангела в качестве викарного епископа Ярославской епархии. Опять же следует сказать о двух законных Патриарших Местоблюстителях митрополитах Казанском Кирилле и Ярославском Агафангеле, первый из которых свидетельствовал о Московской Патриархии как о неканонической структуре и духовно поддерживал тех, кто устроил церковную жизнь на канонических началах, не признавая ее власти, а второй установил самоуправление в своем митрополитском округе на основании постановления □ 362. Это общеизвестные факты. Также как общеизвестно и то, что уже с 1928 г. именно на сторонников митрополита Иосифа и тех кто стал структурно составлять Истинно-Православную Церковь было прежде всего направлено острое большевистских гонений. Понятное дело, что взятый боготворческой властью курс на минимизацию религиозной жизни в нашей стране затронул все сегменты церковного общества, когда в 30-е гг. были уничтожены десятки тысяч церковников - клириков и активных в церковном делании мирян. При этом следует отметить, что сталинская репрессивная машина продолжала уничтожение служителей и активистов Истинно-Православной Церкви также в военные и в первые послевоенные годы, когда религиозная политика режима изменилась, и Московской Патриархии была предоставлена возможность расширить и укрепить свои структуры.

Впрочем, деятельность катакомбных церковных групп в разных регионах бывшего СССР продолжала вызывать озабоченность советских органов и в последующие годы, навлекая репрессии на стойких исповедников православной веры и церковной правды. Понятно, что, пережив настоящий геноцид, когда разобщенные общины вынуждены были существовать в условиях глубокой конспирации, для Истинно-Православной Церкви в нашей стране оказалось невозможным иметь целостную структуру. Известно также, что после войны иные видные сподвижники митрополита Иосифа пошли на соединение с Московской Патриархией. Но было немало и стойких ревнителей о церковной правде. Тогда многие поместные общины лишились иерархии, которая либо была уничтожена, либо сошла в исторической сцене в силу естественных причин. Уходило и поколение верных чад Истинно-Православной Церкви, стоявших у истоков ее формирования. Тем не менее дух верности ее идеалам сохранился в нашей стране до дней падения боготворческой идеократии, также как дожили до них и некоторые его живые носители. Иные из катакомбных общин восстановили иерархическую структуру Церкви при помощи Русской Православной Церкви за границей, составив ее своеобразные филиалы на территории бывшего СССР. Другое, став на путь легального существования в условиях свободы, обрели иерархию при содействии епископата других Поместных Православных Церквей. А кто-то со своей церковной структурой до сих пор сохраняет «катакомбное» бытие.

Конечно, можно оставаться довольными самими собой, довольствуясь тем, что у каждого имеется. Однако такой путь духовно губителен, как и говорит об этом Господь наш Иисус Христос в послании Лаодикийской церкви из книги Откровения Иоанна, которую мы выше цитировали. Нужен выход из того тупика, в котором ныне находится вся Церковь Российская, обретшая внешнюю свободу, но оказавшаяся в состоянии духовной немощи.

Созерцая, как сокращается Церковь Российская, как терзает она своих чад и уважение окружающего общества, думаю, людям церковным, а также архиерам и пастырям, следует явить пример смиренного своей гордыни и отказа от былых амбиций, все более и более обращающихся в фикцию, и откликнуться на призыв русских православных пастырей из далекой Австралии, дабы за широким столом, где будут представлены все архиераи и другие видные деятели всех известных ныне частей Православной Российской Церкви переговорить о том, как вернуться ей к духу и принципам Московского Священного Собора 1917-1918 гг., чтобы обрести истинное единство, получив твердое каноническое основание для успешного несения своей спасительной миссии в этом мире.

Посему я предлагаю ныне нашему Поместному Собору принять три решения.

Первое. Уставить и несумно следовать за тем, чтобы практика нашей Истинно-Православной Церкви в России находилась в соответствии духом определений Московского Священного Собора, имея в виду прежде всего принятые на нем Приходской устав и определение «О епархиальном управлении».

Второе. Обратиться с нарочитым воззванием ко всем российским епископам, каковую бы часть исторической Православной Российской Церкви они не представляли, призывающем к созыву Всероссийского Предсоборного Совещания, на котором и были бы выработаны меры к восстановлению принципов и духа определений Священного Собора 1917-1918 гг. в церковной жизни, восстановлению полноценное церковное единство на основе верности истине Христовой и определены сроки и программа дальнейшей соборной деятельности.

Третье. Оповестить о вышеуказанных решениях настоящего Собора широкую церковную общественность через средства массовой информации.

Да поможет нам Господь наш Иисус Христос в деле созидания на Российской земле Его Церкви, и да врата ада не одолеют ее (Мф 16:18).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 362 И ЕГО РОЛЬ В НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

Историко-канонические заметки в связи с предстоящим официальным визитом в Москву митрополита Лавра

Прошедшее посещение России делегацией Русской Православной Церкви За границей и предстоящий визит ее Первоиерарха митрополита Лавра, впервые осуществляемые по приглашению Патриарха Алексия II и носящие официальный характер, в силу ряда, в том числе и привнесенных извне, обстоятельств привлекли внимание российских масс-медиа. На этом фоне бросается в глаза, что не только далекие от церковной проблематики СМИ, но и специализированные издания, находящиеся, что называется «в теме», не оценили должным образом одно весьма важное заявление, связанное с начавшимися официальными контактами руководства РПЦЗ с Московской Патриархией. Особую ценность этому заявлению придает тот факт, что среди подписавших его на первом месте стоит имя самого митрополита Лавра, готовящегося теперь к личной встрече с Патриархом Алексием II и членами Синода РПЦ МП. Речь идет о принятой 29 октября 2003 г. резолюции пастырского совещания Австралийской епархии РПЦЗ, в котором участвовали митрополит Лавр и член бывшей недавно в России делегации РПЦЗ архиепископ Австралийский и Новозеландский Иларион. Данная резолюция была 11 ноября 2003 г. опубликована на интернет-сайте «Православие.Ру» (<http://www.pravoslavie.ru/analit.cgi?item14r031117200119>), выпускаемому московским Сретенским монастырем, наместник которого архимандрит Тихон (Шевкунов), как известно, серьезно вовлечен в процесс сближения РПЦ МП с РПЦЗ. Несмотря на свою краткость эта резолюция весьма содержательна, так что имеет смысл привести ее целиком.

Мы, духовенство Австралийско-Новозеландской епархии Русской Православной Церкви за границей, - говорится в документе, - собравшиеся в среду, 16/29 октября 2003 г. в городе Сиднее, под председательством правящего архиерея Преосвященного архиепископа Илариона и в присутствии Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей, Высокопреосвященнейшего митрополита Лавра и Секретаря Архиерейского Синода, Преосвященного епископа Гавриила Манхеттенского, на обсуждение причин созыва предстоящего Всезарубежного пастырского совещания в городе Нью-Йорке, высказали следующие мнения:

Мы, члены Русской Православной Церкви за границей, никогда не отделяли и не отделяем себя ни от русского народа, ни от Русской Православной Церкви, но находимся, на основании указа № 362 св. Патриарха Тихона и его Синода, во временном самоуправлении.

Мы считаем, что наступило время всем частям Русской Поместной Церкви для сближения и возвращения к принципам и духу Всероссийского Поместного Собора 1917-18 гг. путем переговоров.

Ввиду того, что со времени Всероссийского Поместного Собора прошло много лет, возникло много проблем, которые нужно тщательно изучить и возвратиться к каноническим нормам соборной церковной жизни. Мы считаем, что этот процесс должен происходить в духе истины, христианской любви и взаимопонимания. Мы молим Господа Бога о успешной работе предстоящих Всезарубежного пастырского совещания и Архиерейского Собора для всеобщей церковной пользы.

Показательным здесь является удивительный на фоне современной российской церковной действительности трезвый тон документа. В нем отсутствуют избитые и вполне оспариваемые в случае полемике идеологемы («экumenизм», «сергианство»), столь характерные в последние десятилетия для РПЦЗ. Зато обращается, можно сказать, главный нерв современной российской церковной жизни как на родине, так и в диаспоре: необходимость возвращения к принципам и духу Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 годов. Вот, собственно, о чем следует говорить в Москве. И от готовности Московской Патриархии к восстановлению в жизни современной Российской Церкви определенной этим Собором как последним выразителем ее канонического сознания нормы церковного устройства и управления должен зависеть успех возможного сближения РПЦЗ с РПЦ МП. Ценность

такого заявления именно сейчас определяется тем простым фактом, что, несмотря на более чем десятилетний срок после падения коммунистической идеократии, при которой имел место вынужденный отход от нормы церковной жизни, определенной на Соборе 1917-1918 гг., священноначалие МП сначала «не спешило» к ней вернуться, а на своем «юбилейном» Архиерейском Соборе 2000 г. практически отказалось от ее принципиальных положений. Стоит ли говорить, что именно с этим связаны все имеющиеся в последние годы настроения и соображения, тающие в себе очевидные угрозы для исторического будущего Российской Церкви. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что если во время своего предстоящего визита в Москву митрополит Лавр в духе истинной церковности решительно и гласно доведет вышеприведенную благую мысль, под которой он первым поставил свою подпись, не только до своих партнеров по переговорам, но и до российской церковной общины, то его визит можно будет, действительно, оценить как исторический.

Еще в рассматриваемой резолюции обращают на себя внимание два момента. Первый, безусловно, оптимистический. Участники сиднейского совещания говорят в ней не только о РПЦЗ и МП, но именно обо всех частях Русской Поместной Церкви в связи с необходимостью ее воссоздания на основе верности определениям Москов-

ской Церкви в условиях установления на родине богоборческого идеократического режима и вызванных этим последствий. По сути, это был последний акт канонической высшей российской церковной власти (согласно соборному определению от 8 декабря 1917 г. «О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления») соединенному присутствию Священного Синода и Высшего Церковного Совета принадлежала законодательная власть в Православной Российской Церкви в период между созывами Поместного Собора), которым был определен строй церковного управления в чрезвычайных для Российской Церкви условиях ее бытия. При этом необходимо подчеркнуть, что это касалось не только ее епархий и других церковных формирований, оказавшихся вне границ советской России, но прежде всего именно Церкви на родине в условиях советского строя и его антицерковной политики. При этом постановление № 362 это отнюдь не только исторический памятник более чем восьмидесятилетней давности. Он сохраняет свою актуальность как канонический источник Православной Российской Церкви, в свете которого становится очевидным, в каком статусе все ее части, о коих упоминается в сиднейской резолюции, призваны приступить к вожделенному соборному процессу ее воссоздания. Именно этому будут посвящены последующие заметки.

Однако прежде следует сделать несколько замечаний относительно судьбы постановления № 362 (так оно было зарегистрировано в канцелярии Высшего Церковного Управления в ноябре 1920 г.) как канонического и исторического источника. Понятно, что по обстоятельствам места и времени этот принципиальный для всего строя церковной жизни и управления в чрезвычайных для Российской Церкви условиях документ не мог быть опубликован в церковной печати, которая в нашей стране уже два года как была ликвидирована большевиками. Патриарх Тихон распространял его циркулярно, и именно образованный в сентябре 1922 г. Архиерейский Синод РПЦЗ дважды опубликовал его в своем органе – белградских «Церковных ведомостях» (1922, № 1 и 1926, № 17-18). В нашей стране машинописные экземпляры постановления в условиях антицерковного террора оказались либо утраченными, либо погребенными в архивах ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, чьи органы в течение десятилетий были озабочены изъятием церковной документации. Белградские же «Церковные ведомости» также были недоступны церковным историкам в СССР, будучи надежно сокрытыми в спецхране той же Ленинки.

Так, полный текст этого документа не был доступен ни покойному Михаилу Губонину (1907-1971), собиравшему послереволюционные российские церковные источники, ни ныне здравствующему Льву Регельсону, написавшему, в том числе и на основе губонинского архива, свою известную «Трагедию Русской Церкви», впервые увидевшую свет в русскоязычном парижском издательстве YMCA-Press в 1977 году. Так в архиве Губонина, большая часть которого была опубликована Свято-Тихоновским богословским институтом в 1994 г., имеется ссылка на постановление № 362, при этом там воспроизведена лишь весьма краткая цитата из него, тенденциозно вырванная из контекста в 1927 г. и ставшая доступной собираетелю благодаря материалам 2-го съезда т.н. Временного Высшего Церковного Совета (об этой структуре несколько слов будет сказано в соответствующем месте). В свою очередь Регельсону приводит более пространную выдержку из постановления по случайно ставшей ему доступной книге известного канониста С. В. Троицкого «Размежевание или раскол» (Paris: YMCA-Press, 1932. – С. 47-48), в которой цитируются только его пп. 2, 4, 5, 6 и 10, представлявшие интерес для автора в виду цель его работы – рассмотрение канонического статуса церковных формирований в российском зарубежье в 20-е – начале 30-х годов. Таким образом, Регельсону не были известны другие пункты постановления № 362, особенно первый из них, тогда как они, будучи взятыми в комплексе, могли бы иметь для его работы, можно сказать, концептуальное значение.

Но вот наступили постсоветские годы. Российская за-

ского Священного Собора. Таким образом, речь идет о включении в соборный процесс не только зарубежных «юрисдикций», вышедших из лона Российской Церкви, но и о генетически связанных с ней церковных формированиях на родине, исторически составивших альтернативу РПЦ МП. Второй же момент вселяет понятный пессимизм в отношении реальной перспективы реализации совершенно естественных с позиции канонического сознания требований, выдвинутых в резолюции. Речь идет о пути переговоров, которым авторы предлагают вернуться к принципам и духу Всероссийского Поместного Собора 1917-18 гг. Зная последние, необходимо со всей определенностью сказать, что вернуться к ним можно только путем вовлечения широкой церковной общественности к гласному обсуждению реальных проблем российской церковной жизни на родине и за рубежом, возникших именно в результате отступления от указанных принципов и духа. Что же касается «пути переговоров», то существует опасность, что связанная с природой любых переговоров непрозрачность может способствовать уходу переговорщиков в сторону от анонсированной темы, когда все окажется сведенным к беспринципной торге.

Еще одним показательным моментом в вышеприведенной резолюции является упоминание постановления (в тексте – указа) № 362, принятого 7/20 ноября 1920 г. соединенным присутствием Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви под председательством св. Патриарха Тихона. В различных документах РПЦЗ ссылка на это постановление с 1922 г. стала традиционной в плане оправдания того ее канонического статуса, который определяется ею как временного самоуправления. Указанное постановление, несомненно, является ключевым документом к пониманию новейшей церковной истории, связанной с существованием

рубевная периодика давно уже извлечена из спецхранов. Стали доступны и государственные архивы, а для Свято-Тихоновского богословского института теперь доступен даже архив ФСБ. Однако связанная с Московской Патриархией официальная историография так и не ввела в свои анналы столь важный источник, о котором знает каждый, кто профессионально занимается новейшей российской церковной историей.

В вышедшей в 1997 г. официальной «Истории Русской Церкви 1917-1997» ее автор протоиерей Владислав Цыпин уделяет ему лишь краткое замечание. Интересно, что увенчанный за вышеуказанный труд степенью доктора церковной истории автор не только не привел довольно краткий документ целиком, но и включенную в свой труд цитату заимствует не из ставшего доступным издания источника, а по сборнику материалов губоинского архива, где она представлена только в виде маленького обрывка. И совсем уж скандально выглядит полное молчание Цыпина о постановлении № 362 в принадлежащих его же перу очерках «Русская Православная Церковь в новейший период. 1917-1999» и «Высшее церковное управление Русской Православной Церкви. 1700-1999», вошедших в «чулковой» том «Православной энциклопедии», представляющем обзор тысячелетней истории Русской Церкви.

На этом фоне счастливым исключением выглядит небольшая книга преподавателя Санкт-Петербургской духовной семинарии священника Георгия Митрофанова «Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы», выпущенная им с благословения митрополита Иоанна (Снычева) в 1995 году. Будучи действительно квалифицированным историком, о. Георгий в отдельном приложении приводит целиком все необходимые для темы его сочинения источники, в т. ч. и постановление № 362. Более того, привлекая их и другие документы для построения соответствующей исторической картины, он делает это добросовестно, цитируя нужный ему пассаж в необходимом контексте. Таким образом, он оказался практически первым, кто познакомил заинтересованного российского читателя с постановлением № 362. Однако его работа имеет тот неизбежный изъян, что порой выводы, которые делает автор, обусловлены не их содержанием, а той идеологической позицией, которую он вынужден отстаивать. К интересующему нас документу это, увы, также имеет отношение, о чем в своем месте придется сказать.

В предыдущих заметках подчеркивалось, что упоминаемое в резолюции папского совещания Австралийской епархии РПЦЗ постановление высшей российской церковной власти от 7/20 ноября 1920 г. сохраняет свою церковно-общественную значимость. Поэтому имеет смысл привести его здесь целиком, снабдив лишь краткими комментариями фактического характера, отражающими как дальнейшее следование его букве и духу, так и отход от них со всеми вытекающими отсюда последствиями. Публикация осуществляется по «Церковному вестнику» (Белград). — 1926, № 17-18. — С. 6-7.

Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г. № 362

По благословению Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета в соединенном присутствии имели суждение о необходимости, дополнительно к преподанным уже в циркулярном письме Святейшего Патриарха указанным на случай прекращения деятельности Епархиальных Советов, преподавать епархиальным Архиереям такие же указания на случай разобщения епархии с Высшим Церковным Управлением или прекращения деятельности последнего и, на основании бывших суждений, постановили:

Циркулярным письмом от имени Его Святейшества преподавать Епархиальным Архиереям для руководства в потребных случаях нижеследующие указания:

1. В случае, если Священный Синод и Высший Церковный Совет по каким-либо причинам прекратят свою церковно-административную деятельность, Епархиальный Архиерей за руководственными по службе указаниями и за разрешением дел, по правилам, восходящим к Высшему Церковному Управлению, обращается непосредственно к Святейшему Патриарху или к другому лицу или учреждению, какое будет Святейшим Патриархом для этого указано.

2. В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.п. окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление во главе со Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, Епархиальный Архиерей немедленно входит в сношение с Архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства или митрополичьего округа или еще иначе).

3. Попечение об организации Высшей Церковной Власти для целой группы оказавшихся в положении, указанном в п. 2, епархий составляет, непрерывный долг старейшего в означенной группе по сану Архиерея.

4. В случае невозможности установить сношения с Архиереями соседних епархий и впрямь до организации выс-

шей инстанции церковной власти, Епархиальный Архиерей воспринимает на себя всю полноту власти предоставленной ему церковными канонами, принимая все меры к устроению местной церковной жизни и, если окажется нужным, к организации епархиального управления, применительно к создавшимся условиям, разрешая все дела, предоставленные канонами архиерейской власти, при содействии существующих органов епархиального управления (Епархиального Соборания, Совета и проч. или вновь организованных); в случае же невозможности составить вышеуказанные учреждения — самолично и под своею ответственностью.

5. В случае, если положение вещей, указанное в пп. 2 и 4, примет характер длительный или даже постоянный, в особенности при невозможности для Архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной (в смысле утверждения церковного порядка) мерой представляется разделение епархии на несколько местных епархий, для чего Епархиальный Архиерей:

а) предоставляет Просвященным своим vicaribus, пользующимся ныне, согласно Наказу, правами подсамоуправляемых, все права Епархиальных Архиереев, с организацией при них управления, применительно к местным условиям и возможности;

б) учреждает, по соборному суждению с прочими Архиереями епархии, по возможности во всех значительных городах своей епархии новые архиерейские кафедры с правами подсамоуправляемых или самостоятельных.

6. Разделенная указанным в п. 5 образом епархия образует из себя во главе с Архиереем главного епархиального города церковный округ, который и вступает в управление местными церковными делами согласно канонам.

7. Если в положении, указанном в пп. 2 и 4, окажется епархия, лишённая Архиерея, то Епархиальный Совет или, при его отсутствии, клир и миряне обращаются к епархиальному Архиерею ближайшей и наиболее доступной по удобству сообщения епархии, и означенный Архиерей или командирует для управления вдовствующей епархии своего vicarius, или сам вступает в управление ею, действуя в случаях, указанных в п. 5, и в отношении этой епархии согласно пп. 5 и 6, причём при соответствующих данных вдовствующая епархия может быть организована и в особый церковный округ.

8. Если по каким-либо причинам приглашения от вдовствующей епархии не последует, Епархиальный Архиерей, указанный в п. 7, и по собственному почину принимает на себя о ней и ее приделах попечение.

9. В случае крайней дезорганизации церковной жизни, когда некоторые лица и приходы перестанут признавать власть Епархиального Архиерея, последний, находясь в положении, указанном в пп. 2 и 6, не слагает с себя своих иерархических полномочий, но организует из лиц, оставшихся ему верными, приходы и из приходов — благочиния и епархии, представляя, где нужно, совершать богослужения даже в частных домах и других приспособленных к тому помещениях и прервав церковное общение с непослушными.

10. Все принятые на местах, согласно настоящим указаниям, мероприятия, впоследствии, в случае восстановления центральной церковной власти, должны быть представляемы на утверждение последней.

Рассматривая публикуемый документ, прежде всего необходимо выяснить обстоятельства вызвавшие его к жизни. С одной стороны, в советской России нарастала антирелигиозная компания, уже почти год Патриарх Тихон находился под домашним арестом в своей резиденции на Троицком подворье в Москве, при том, что в любой момент он мог быть повергнут полной изоляции, а само Высшее Церковное Управление Православной Российской Церкви в лице Священного Синода и Высшего Церковного Совета лишится возможности функционировать. С другой стороны, часть епархий в Сибири и на юге России продолжали оставаться отрезанными от Москвы фронтами гражданской войны, а другие из них (Финляндская, Рижская и выделенная из нее Ревельская, Литовская, Гродненская, Варшавская, большая часть Волынской и Кшиневская) оказались вне границ Российского государства, или же изначально были за границей (Алутская и Североамериканская, миссии Урмийская в Иране, Китайская и Японская, приходы в Европе, духовная миссия в Палестине), при том что связь с ними была довольно затруднительной, и могла в любой момент оборваться совсем. В этих условиях принимаются два принципиальных положения, касающиеся церковного управления центрального и местного, которые и содержатся в первых двух пунктах настоящего постановления и при этом должны рассматриваться в их неразрывной связи друг с другом.

Итак, первое обстоятельство, отмеченное в п. 1: прекращение деятельности ВЦУ, влекущее за собой передачу до первой возможности созвать Поместный Собор всей полноты высшей церковной власти Патриарху Тихону или (очевидно, в случае его изоляции или смерти) «другому лицу или учреждению, какое будет Святейшим Патриархом для этого указано». Общеизвестно, что существует каноническая норма, прямо запрещающая епископу пере-

давать свою власть путем завещания. 23-е правило Антиохийского Собора (330 г.) гласит: Епископу не позволено вместо себя поставлять другого, хотя бы он был и при конце жизни. Впрочем, здесь этот канон не нарушается. Патриарх Тихон не самовольно назначает себе заместителя (лицо или коллегию) на случай печальных для себя обстоятельств, а делает это с церковной санкции, в соответствии с которой такое поручение дается исключительно, т. е. только самому Патриарху Тихону и никому более. Последнее принципиально для понимания дальнейшей российской церковной истории обстоятельство следует из того очевидного факта, что в следующем п. 2 говорится уже о ситуации, связанной с прекращением деятельности ВЦУ во главе с Патриархом, когда группы соседних епархий, а при невозможности их совместных усилий по налаживанию церковного управления, как это следует из пп. 2-6, отдельные епархии переходят на временное самоуправление. Это означает, что когда уже нет ни полноценного ВЦУ, ни Патриарха Тихона как единственного носителя высшей церковной власти, а также не могут нормально функционировать в этом же качестве назначенное им лицо или учреждение, в том же исполнение настоящего постановления ВЦУ на эту власть передал, вступают в силу положения, изложенные в пп. 2-9. Иначе говоря, тот, кому Патриарх Тихон передал свои полномочия, не вправе передавать их кому-либо, кроме тех, кто санкционирован его распоряжением, а если таковых нет или они не могут эти полномочия воспринять, то тогда наступает самоуправление епархий и/или их локальных групп (церковных округов).

В нашей стране в полной мере во вышеизложенное было реализовано спустя полтора года после принятия постановления № 362. Срок полномочий ВЦУ, сформированного Московским Священным Собором в 1917 г., подошел к концу, при том стало очевидно, что очередной Поместный Собор созвать в установленные сроки не удастся. А главное, вследствие массовой антицерковной компании, развернутой большевиками весной 1922 г. был арестован Патриарх Тихон и прекратилась деятельность ВЦУ, в помещениях которого разместились учинившие с подачи властей церковный раскол т. н. обновленцы. Согласно распоряжению Патриарха, его обязанности временно до созыва Поместного Собора, в соответствии с п. 1 постановления № 362, должны были перейти к митрополиту Ярославскому Агафангелу. Однако последний не смог их воспринять, поскольку его переезд в Москву в Троицкое подворье и принятие канцелярии ВЦУ были обусловлены условиями тем, что он должен был стать прикрытием для «обновленцев». Тогда митрополит Агафангел выпускает 5/18 июня 1922 г. свое знаменитое послание, где как носитель высшей церковной власти санкционирует российскому епископату то, что как раз и было предусмотрено пп. 2-9 постановления № 362. Обращаясь к архиерам, он написал буквально следующее: «Лишенные на время высшего руководства, вы управляете теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совети и архиерейской присяге, впрямь до восстановления Высшей Церковной Власти». Следует сказать, что мудрое поведение Ярославского святителя позволило минимизировать урон, нанесенный Российской Церкви выступлением «обновленцев», так что в 1923 г., когда Патриарх Тихон смог вернуться к исполнению своих обязанностей в сознании церковной общественности еще сохранялась надежда на восстановление церковного организма.

Теперь следует сказать несколько слов по поводу отношения постановления № 362 к РПЦЗ. Церковные историки и публицисты, не благоволящие последней, обычно обращают внимание на то, что обстоятельства, указанные в п. 2 постановления ее не касаются. Действительно, там речь идет о епархиях, уже существовавших ко времени установления линии фронта ли государственной границы, тогда как образованное в том же ноябре 1920 г. в Константинополе Высшее Русское Церковное Управление за границей, во-первых, состояло из епископов-беженцев, оказавшихся вне своих епархий, а, во-вторых, в значительной мере стало распространять свою власть на территории других автокефальных поместных церквей, где скопились тогда беженские массы из России. Этот довод можно было бы считать справедливым, если бы ВРЦУЗ не было бы признано ВЦУ в Москве, которое при помощи западных дипломатических каналов поддерживало с ним связь, утверждая или же нет те или иные его инициативы. Правда, вследствие уклонения ВРЦУЗ в политику, со всей силой продемонстрированного в ноябре 1921 г. на собрании представителей РПЦЗ, получившем затем название Первого Везарубежного Собора, что самым негативным образом отразилось на и без того тяжком положении Церкви на родине, соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета по предложению Патриарха Тихона 22 апреля/5 мая 1922 г. своим постановлением № 347 упразднило ВРЦУЗ. Любопытно, что это был последний акт высшей церковной власти, получившей полномочия от Собора 1917-1918 года. Но вот тут то российские зарубежные иерархи во главе с митрополитом Киевским Антонием и воспользовались постановлением № 362, и учитывая, что согласно его п. 2 само ВЦУ во гла-

ве со Святейшим Патриархом прекратило свое существование, учредили, опять же в соответствии с тем же пунктом, на своем Архиерейском Собрании 20 августа/2 сентября 1922 г. в качестве Временного Высшего Церковного Правительства для РПЦЗ, вместо упраздненного ВРЦУЗ, Временный Заграничный Архиерейский Синод. Дальнейшие свои отношения с Москвой, точнее либо отсутствие оных, либо резкое неприятие политики новоучрежденной в 1927 г. Московской Патриархии, ответственные деятели РПЦЗ объясняли «порабощением безбожной властью» последней (отсюда вырос известный тезис о «сергианстве»), хотя с канонической точки зрения здесь гораздо правильнее было бы говорить о несоответствии этого новоявленного органа требованиям постановления № 362. Впрочем, и в истории самой РПЦЗ не все было канонически безупречным, имея в виду конфликты ее руководства с Западно-европейским и Американским митрополическими округами, но это уже тема другого разговора.

Ну, вот тут то мы и подошли к главному вопросу, связанному с предстоящим официальным визитом в Россию митрополита Лавра. Со статусом РПЦЗ в свете вышесказанного ситуация более или менее ясна. Ну а каков же будет он у РПЦЗ МП в свете рассматриваемого канонического акта высшей церковной власти Православной Российской Церкви? Отвечая на этот вопрос, прежде всего, следует указать на то, что создатель Московской Патриархии, получивший в 1927 г. в изгнание из действовавших тогда узаконенной регистрацией в Административном отделе НКВД в качестве «исправляющего должностного Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола», митрополит Нижегородский Сергей ни тогда ни в дальнейшем во всех своих публикациях и личных письмах, где он пытался обосновать свои права на высшую церковную власть, никогда не ссылался на постановление № 362 как на их источник. И это вполне понятно, поскольку в его свете, как это следует из его пп. 1 и 2, рассмотренных выше, таких прав у него не было. Вместо этого митрополит Сергей, вопреки фактам, настойчиво ссылается на постановление, принятое на второй сессии Московского Священного Собора (25 января/7 февраля 1918 г.), о т. н. чрезвычайном местоблюстительстве, хотя оно, если бы кто-нибудь удосужился его внимательно прочитать, ему как раз ничего и не давало. Тем не менее, в церковной историографии оно прочно заняло место этого квази-канонического источника, устанавливающего институт Патриаршего Местоблюстителя и его Заместителя. Именно так, в духе установившегося стереотипа, толкует его в своей книге и о. Г. Митрофанов. Однако приведенная им пространная цитата из выступления заместителя председателя Собора князя Евгения Трубецкого, собственно, и принятого в качестве соборного постановления, вступает в непримиримый конфликт с таким утверждением. Этим постановлением Собор, действительно, поручает Патриарху Тихону на случай непредвиденных случаев (изоляция, смерть) конфиденциально назначить себе «ряд местоблюстителей, чтобы власть от одного, в случае надобности, автоматически переходила к другому, временно – впрямь до издания особых правил о местоблюстителях». Из сказанного следует, что права Патриаршего Местоблюстителя могут передаваться только внутри круга лиц, определенных самим Патриархом Тихоном и данное постановление сохраняло силу до 28 июля/10 августа того же 1918 г., когда Собор принял особое определение «О Местоблюстителях Патриаршего Престола». Впрочем, в дальнейшем Патриарх Тихон, действуя уже на основе п. 1 постановления № 362 стал писать распоряжения о своих заместителях (местоблюстителях) на случай печальных для себя обстоятельств. Документально известно о трех таких актах: от 24 апреля/12 мая 1922 г. о временной до созыва Поместного Собора передаче патриарших прав и обязанностей митрополиту Ярославскому Агафангелу и от ноября 1923 и 25 декабря 1924/7 января 1925 г., устанавливающих порядок местоблюстительства в случае его (Патриарха Тихона) кончины. Согласно последнему из них он по примеру ситуации 1918 г. определял трех иерархов (митрополит Казанский Кирилл, митрополит Ярославский Агафангел и митрополит Крутицкий Петр), передавая тем из них, кто сможет их воспринять, свои «патриаршие права и обязанности до законного выбора нового Патриарха», имея в виду выбор на основе соборного определения «О порядке избрания Святейшего Патриарха», принятого 31 июля/13 августа 1918 года. Как известно, должность Патриаршего Местоблюстителя в апреле 1925 г. смог занять митрополит Петр, впрочем, оказавшись в изоляции в декабре того же года. Его роковой ошибкой и канонической и житейской стало то, что на случай своего ареста он назначил себе ряд «временных заместителей», среди которых первым стало имя митрополита Нижегородского Сергея (Старгородского). Во-первых, он не имел права этого делать, поскольку переданные ему патриаршие права и обязанности, очерченные соборным определением от 8 декабря 1917 г. «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха» такого права ему не давали, а канонической санкции на назначение себе заместителей, как это следует из постановления № 362, у него не было. Ну и, во-вторых, как известно,

нет ничего более постоянного, чем временное. В любом случае, права Патриаршего Местоблюстителя от митрополита Петра в случае его изоляции или смерти могли перейти только к тому, кто был указан Патриархом Тихоном. События 1925–1927 гг., когда имели место две попытки узурпировать высшую власть в Российской Церкви, документально представлены и в опубликованном архиве Губонина и в «Трагедии Русской Церкви» Регельсона. Первая из них, впрочем, провалившаяся, состояла в том, что под прикрытием п. 2 постановления № 326 группа иерархов во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским), имея поддержку ОГПУ, организовала т. н. Временный Высший Церковный Совет. Однако указанный пункт дает право на организацию «инстанции церковной власти» соседним епархиям, т. е. речь идет в лучшем случае о региональном митрополическом округе, тогда как архиепископ Григорий формировал всеоюзный центр церковного управления. Вторая оказалась, если так можно выразиться, «удачной», когда митрополит Сергей смог утвердить свою власть, в т. ч. отменив в 1926 г. законного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Агафангела. Беда тогдашнего церковного общества состояла в том, что о постановлении № 362, точнее о возможности игнорировать квази- или, все-таки, псевдо-канонический церковный квест, и на родине и за рубежом вспомнили только осенью 1927 г., когда оказалось, что митрополит Сергей стал проводить линию, согласованную с боготоржеской властью, а то и прямо диктуемую ею. Тогда то порядка четверти российских епископата на родине и объединившись вокруг них клир и церковный народ и стали действовать на основе рассматриваемого постановления, имея в виду уже его п. 9 (крайняя дезорганизация церковной жизни). Среди них были и законные местоблюстители – митрополиты Ага-

фангел и Кирилл, первый из которых ввел самоуправление Ярославского митрополического округа, а второй морально поддерживал тех, кто не признавал власти Московской Патриархии, составив то, что вошло в церковную историю под названием Катакомбной Церкви.

Из выше сказанного следует один простой вывод: РПЦЗ МП в переговорах ли с РПЦЗ, в возможном ли соборном процессе, буде он начат, не подобает выступать в роли этакой «Матери-Церкви», собирающей своих «блудных дочерей». Она всего лишь самый крупный осколок исторической Православной Российской Церкви, впрочем, как это видно из вышесказанного, утративший по отношению к ней каноническое правопреемство. И если ее фактического создателя митрополита Сергея, видевшего залог деепособности церковной организации в ее централизме, оправдывало хотя бы стремление созвать законный Поместный Собор, то что может оправдать нынешнюю Московскую Патриархию, демонстрирующую порывшую в 2000 г. с духом и принципами Священного Собора 1917–1918 гг., являющимися для Российской Церкви определяющими?

И последнее, сейчас за РПЦЗ МП практически нет ничего более существенного, чем пресловутый административный ресурс нынешней российской власти. Но в этом случае любому православному не остается ничего другого, как задуматься над словами богодухновенных псаломцев Аггея и Захарии, звучащими за каждой Божественной литургией: Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения (Пс 145:2).

Игумен Иннокентий (Павлов)

Истинно-Православная Церковь в России укрепляется и развивается

За прошедшее десятилетие Православная Церковь в России претерпела кардинальные перемены. И не всегда они были позитивными. Раскол Российского Православия, который теоретически должен был закончиться со сменой государственного строя, еще больше укрепился. И сегодня он приобрел не столько политическую, и даже не богословско-каноническую основу. Ни для кого не секрет, что схизма Православной Церкви носит «личностный», амбициозный характер.

Именно поэтому, в начале 90-х годов Московский Патриархат по собственному суждению (уже без давления ОГБ и светских властей) объявил расколниками духовенство РПЦЗ и РИПЦ. Осознавая свое доминирующее положение, РПЦ МП объявила себя единственной законной преемницей «дореволюционной» Российской Церкви, поставив остальные юрисдикции в положение «Хотите быть православными – приносите покаяние». Такой ход событий не устраивал иерархов РПЦЗ, которые на протяжении семи десятилетий считали себя носителями «правопреемства». Началась негласная, а местами и переходящая в открытые столкновения, борьба двух юрисдикций. Рассуждая о необходимости применения широкой икономии и «братской любви» ради воссоединения Православной Церкви, иерархи двух юрисдикций вылили друг на друга такое количество информационных помоев, которое с трудом умещалось на полосах газет и журналов. Не гнушались связями с разного рода политическими партиями, сомнительными «общественными объединениями», а порой опускаясь до открытой лжи и клеветы. Так, епископ Канский Варнава, стараясь укрепить позиции РПЦЗ в России, не раз был замечен в сомнительных акциях с участием «Памяти» и др. В свою очередь, духовенство МП обильно «отписывало» с экранов местных и федеральных телевизионных каналов. В середине 90-х мы стали свидетелями череды феерических ток-шоу, в которых православные иерархи показывали народу «грязное белье» своих собратьев из других юрисдикций. Епископы и священнослужители стали появляться на первых полосах самых скандальных изданий почти в каждом номере. Тут в ход шли и «архивы КГБ», обличающие в соотрудничестве с властью, и вскрытые финансовых документов (а их, для того, чтобы получить на руки, вероятнее всего пришлось выкрасть или получить за хорошую взятку). На этом фоне даже обвинения в неканоничности уже выглядели элементарно. Не один из священнослужителей пользовался элементарной неграмотностью прихожан, дабы очернить «конкурентов» из другой юрисдикции. Долгое время бытовала практика «сравнения длины богослужений». Священники ИПЦ обвиняли духовенство МП в том, что они служат «окорпаченным чином», скрывая, однако, от своих прихожан, что все юрисдикции пользуются одной и той же богослужебной литературой. «Черный пиар» стал главным орудием в проповедях духовенства и иерархов.

На фоне такой «битвы титанов» (МП и РПЦЗ) положение РИПЦ было не столь заметным. Хотя и эта часть православной церкви вскоре проявила себя в полной мере. Катакомбные и «иосифлянские» иерархи ждали, чем закончится противостояние двух крупнейших юрисдикций.

Наконец, к концу 90-х годов стало понятно, что положение МП, попавшее было в начале «демократической эпохи», укрепилось и уже практически непоколебимо. Посему, РПЦЗ стала искать пути «мирного урегулирования» конфликта с МП, а в дальнейшем и полного воссоединения. Намерение, казалось бы, похвальное (ведь все православные «ветви» на протяжении 70-ти лет руководствовались Указом Святейшего патриарха Тихона, который предусматривает создание единого органа церковной власти), если бы не один факт: повернувшись лицом к МП, РПЦЗ отрёклась от своих бывших собратьев – катакомбников и иосифлян. Одновременно с этим РПЦЗ начала сворачивать свою деятельность в России, спровоцировав новый раскол (в результате появилась РПАЦ митрополита Валентина Русанова). РИПЦ не оставалось ничего другого, как продолжать самостоятельное существование. Надежды на воссоединение с РПЦЗ рухнули. Но, попытавшись выстроить свою «иерархическую структуру», духовенство РИПЦ столкнулось с серьезными проблемами:

- за несколько десятилетий епископы и священнослужители потеряли связь между собой и не знали, как друг друга искать;

- иерархи привыкли к полной независимости и забыли о централизованной церковной власти;

- потеряв возможность получать образование, многие епископы и священники строили приходскую жизнь на основе суеверий, традиций, некоторые только понаслышке знали о существовании канонов и канонического права.

И все же, попытки объединения «альтернативных» православных групп предпринимались и принесли кое-какие плоды. Свидетельство тому – создание Архиерейского совещания под председательством митрополита Амвросия Катамадзе. Но, как оказалось, проблема состояла не столько в том, чтобы объединить епископов, сколько в том, чтобы «удержать» их – научить принимать решения соборно. Столкнувшись с первым разногласием, Архиерейское совещание развалилось. Кропотливая работа по «объединению» епископата (а стоит отметить, что далеко не все еще епископы-катакомбники и «иосифляне» входили в состав Архиерейского совещания) «пошла на смарку» – появилось три параллельных «Синода», под управлением трех московских митрополитов: Амвросия (Катамадзе), Рафаила (Прокопьева) и Вячеслава (Лисового). Последнего рукоположили во епископа буквально за неделю до раскола.

Только по прошествии трех лет митрополиту Рафаилу удалось вновь собрать большинство из этих архиере-

ев на Архиепископский Собор (хотя митрополиты Амвросий и Вячеслав прибыли на Собор отказались). Важно, что в работе Собора приняли участие и молодые архиереи из Украины, России и известный в «катакомбном» мире митрополит Епифаний (Каминская). На Соборе был принят ряд важных и, несомненно, нужных для православной церкви решений, в том числе и документ о создании единой Истинно-Православной Церкви в России. Об этом рассказывает руководитель отдела внешних связей ИПЦ митрополит Пятигорский и Северокавказский Кириак (Темериди).

... Сегодня церковная жизнь начинает налаживаться. Но осталась масса нерешенных проблем: отсутствием образовательной базы в ИПЦ, несогласованностью действий иерархов ИПЦ, амбициозностью и неприязнью в отношении отдельных иерархов и враждебная позиция по отношению к МП, РПЦЗ и РПАЦ, отсутствием административной представительской структуры, финансовой базы. Эти проблемы очень актуальны. Образовательная база – одно из основополагающих условий развития Церкви. Отсутствие учебных заведений приводит к тому, что большинство епископов вынуждены либо рукополагать в священный сан малообразованных ставленников, либо принимать «опальных» священников из МП, РПЦЗ или РПАЦ. Это приводит к тому, что в состав клира, а иногда и епископата ИПЦ проникают шарлатаны, отступники, а порой, и люди с криминальным прошлым, изгнанные из других юрисдикций. Нередко архиереи сталкиваются со случаями «перебежничества», сребролюбия, алкогольной зависимости и других пороков духовенства. В результате, приходится либо менять священников, либо смотреть на то, как жизнь прихода постепенно «умирает». В такой ситуации бессмысленно обвинять правящих архиереев в бездействии – им просто некого назначать на приходы. Открытие хотя бы одного высшего учебного заведения для священнослужителей позволит не только наладить «приходскую жизнь» в епархиях и увеличить число приходов, но и значительно повысит статус ИПЦ в глазах собственных прихожан и других ветвей ПЦ.

Как Истинно-Православная Церковь строит свои отношения со СМИ и общественными организациями? Ваш отдел занимается этой стороной взаимоотношений Церкви и общества...

Россия, как, впрочем, и большая часть остального мира, переживает период постиндустриального развития. Не секрет, что сегодня главное оружие любого общественного института – информация. И Церковь не исключение. Для успешного развития её в современном мире необходимо донести до общества «правильную» информацию. Сегодня общество воспринимает Истинно-Православную Церковь, как абстрактную массу различного духовенства, не зависающего друг от друга. И беда не в том, что пресса неверно освещает происходящие в Церкви события. Проблема в том, что епископат ИПЦ не имеет единого мнения о Церкви. Нередко, от лица всей Церкви, отдельные епископы делают заявления, противоречащие решениям Собора, а то и вовсе, носящие еретический характер. Некоторые архиепископы делают это по неграмотности, иные – намеренно. Для успешного развития ИПЦ необходимо создание специального отдела по работе со СМИ, из которого будут выходить материалы только после их утверждения издательским комитетом (или всеми членами Синода). Необходимо также разьяснительная работа с самим епископатом. Недопустимо, чтобы епископы и священнослужители выступали с обвинениями в адрес друг друга со страниц светских изданий (для решения внутренних разногласий существует Синод и Собор). К примеру, обсуждение вопроса о статусе отдельных священнослужителей на Соборе в июле 2003 года, в присутствии прессы привело только к тому, что ИПЦ в очередной раз «засветилась», как несостоятельная церковная организация, хотя вопросы решились довольно легко. И таких примеров можно привести массу. Посему, Архиепископский Собор ИПЦ должен выработать единую позицию и провести «агитационную» работу с иерархами, дабы ИПЦ не выглядела в СМИ разрозненной несостоятельной структурой. Крайне необходимо также официальное периодическое издание ИПЦ, которое будет выполнять организационную функцию, без «вынесения внутренних распри» для обсуждения их обществом. Прием подписчиками этого издания стоит сделать не только епархии ИПЦ, но и приходы РПЦЗ, РПАЦ, МП и поместных церквей. Это позволит популяризировать деятельность ИПЦ и причлудит другие юрисдикции к тому,

что ИПЦ существует и действует (сегодня мало кто имеет объективное представление о том, что такое ИПЦ). Издание собственной газеты (журнала) выгодно не только тем, что формирует определенное мышление среди пастырей ИПЦ, но и для «выгодного» позиционирования Церкви в обществе в целом. Нелицеприятно выглядит и практика обливания грязью священноначалия других ветвей ПЦ. Стоит на соборном уровне запретить практику обвинений в «неправильности» и неканоничности тех, «кто не с нами».

– Не секрет, что некоторые иерархи ИПЦ, мягко говоря, не лояльно относятся друг ко другу и к архиереям других частей ПЦ...

– Эта проблема оказалась, чуть ли не «камнем преткновения» в процессе объединения Российской Истинно-Православной Церкви. Привыкнув ко взаимным обвинениям в «страшных грехах» за несколько десятилетий, мы выработали, вразостили в себе образ «мифического врага», олицетворением которого стали сначала РПЦ МП, затем РПЦЗ, а сегодня РПАЦ и любой, кто «не с нами». На самом деле все обстоит иначе. Все мы – части единой Российской Православной Церкви и каждый из нас должен следовать заповеди Христовой: «Да будет нас едином». Каждый из нас должен сделать все возможное для того, чтобы израненное тело Российской Церкви вновь стало целостным и сильным. Сегодня этому мешают: упоминаемая выше «враждебная позиция», претензии на высшую церковную власть в России, накаленные ситуации духовенством, пришедшим в ИПЦ из других частей российской церкви и некоторые другие факторы. Мы должны выработать четкие позиции по отношению к другим православным «ветвям». И в этом мы должны руководствоваться и указом патриарха Тихона, который призывает нас к объединению и соборности, и другими актами православной церкви, а самое главное, заповедью Господней: «ДА БУДЕТ ВСЕ ЕДИНО!!!»

– А что касается отсутствия административной представительской структуры?

– Отсутствие единой административной структуры в ИПЦ – проблема не каноническо-богословская, а, скорее, социальная. Перечислять «минусы» такого положения можно бесконечно – они очевидны. Стоит отметить несколько положительных перспектив. Для развития ИПЦ необходимо создание «ключевых» административных отделов, которые смогут самостоятельно выполнять возложенные на них Церковью функции. Управление делами ИПЦ – отдел, обеспечивающий взаимодействие епархиальных архиереев с другими епархиями, отделами ИПЦ. Управление делами должно оповещать обо всех перемещениях духовенства, о развитии епархий, об открытии духовных школ и т.д. То есть, Управление делами ИПЦ должно стать «объединяющим звеном», структурой, ведающей всеми внутренними делами ИПЦ. Это позволит видеть «целостную картину» развития, следить за положением дел в Церкви. Отдел внешних связей ИПЦ (он существует, но требует серьезных изменений) – структура, призванная взаимодействовать с органами государственной власти, иными конфессиями и т.д. Создание подобного отдела позволит грамотно строить отношения ИПЦ с «внешним миром» и решать проблемы церкви на официальном уровне, а не при помощи «личных связей» отдельных епископов. К компетенции ОВС ИПЦ стоит отнести и взаимоотношения с другими ветвями православия в России, поместными церквями. Мне кажется, что необходимо учредить в ИПЦ – отдел экономического развития Церкви. Экономическая проблема ИПЦ – также, одна из самых значимых. Церкви необходимы средства и на организацию духовных школ, и на собственные издания, и на многое другое. На самом деле, неразрешимая на первый взгляд проблема, не так уж сложна. Для её решения необходимо создание собственных внутренних фондов. Сейчас мы работаем над докладом «Об экономическом развитии ИПЦ». Создание этих отделов в составе ИПЦ позволит улучшить положение ИПЦ и епархий на местах. К тому же, немаловажно и то, что епархиальные епископы не будут чувствовать себя «брошенными на произвол судьбы» (этот, казалось бы, незначительный фактор может принести огромные положительные плоды развития Церкви).

ОФИЦИАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Заседания Священного Синода

3 сентября и 24 ноября 2003 года в Москве прошли заседания Священного Синода ИПЦ, целью которых было исполнение решений Архиепископского Собора, прошедшего в июле. Члены Священного Синода отчитались о проделанной работе и обсудили ряд вопросов, подготовленных к рассмотрению на Поместном Соборе ИПЦ. Особо радостным событием стал отчет митрополита Кириака о развитии первого учебного заведения ИПЦ – колледжа при Свято-Иоанно-Предтеченском монастыре. Первая группа, состоящая из 18 человек, показала хорошие результаты по итогам подводящего к завершению семестра. Священным Синодом митрополиту Кириаку было поручено обратить особое внимание на составление учебного плана на второе полугодие 2003/2004 учебного года.

В ходе заседаний были рассмотрены прошения священнослужителей о принятии их под омофор первосвященителя ИПЦ. В состав клира вошли три новых прихода, и три монастыря (в подмосковном Ликино-Дулево и в Абхазии).

Отдельным пунктом был рассмотрен вопрос об организации постоянной веб-службы, поддерживающей работу интернет-сайта ИПЦ в сети ИНТЕРНЕТ. Организация работы поручена клирику Московской митрополии иеромонаху Святославу. Уже сегодня можно ознакомиться с новой версией официального сайта ИПЦ по адресу: <http://sinodipc.ru>

Безусловно, одним из основных вопросов стал предстоящий Поместный Собор ИПЦ в Москве. Были рассмотрены проекты докладов некоторых архиереев и обсуждены организационные вопросы. Предполагается, что в работе Собора примут участие около 120 делегатов из разных епархий России, ближнего и дальнего зарубежья. Ожидаются гости – представители других Поместных Церквей.

Постановлением Священного Синода за усердные труды во славу Святой Церкви в сан митрополита возведены архиепископы Казанский и Марийский Александр (Визенов), Потийский и Причерноморский Николай (Модебадзе), Санкт-Петербургский Антоний (Корбут). В сан архиепископа возведен епископ Пензенский и Симбирский Тихон (Киселев).

По решению Священного Синода некоторые епархии ИПЦ были реорганизованы, соответственно расположению приходов, находящихся в ведении отдельных архиереев. Так Владимирская и Крутицкая епархия была реорганизована во Владимирскую и Тульскую, Коломенская и Русская в Волоколамскую и Коломенскую, Ярославская в Сергиево-Посадскую и Ярославскую, Нижегородская в Нижегородскую и Саранскую.

ВЕСТИ ИЗ ЕПАРХИЙ

Новолетие в Пензенской и Симбирской епархии ознаменовалось открытием нового прихода в с.Болотниково Пензенской области. Исторический Покровский храм еще требует большой реставрации, но уже сегодня в нем проходит богослужение. На последней неделе Рождественского поста Священную литургию в нем отслужил архиепископ Пензенский и Симбирский Тихон в сослужении настоятеля игумена Пантелимона и клириков епархии.

Пятигорская община Северокавказской митрополии начала работы по обустройству собственного молитвенного дома. В настоящий момент община насчитывает около 350 человек, а собственного помещения у нее до сих пор нет. С благословения митрополита Пятигорского и Северокавказского Кириака староста общины занимается поиском подходящего помещения в городе.

Объявления

Поступила в продажу книга «Стяжатели духа святого» группы авторов, в т.ч. митрополита Рафаила о прп. Серафиме Саровском 310 стр., тв. обл. Возможна покупка

Редакция: «Поместный собор»

Редактор: Н.Чернушкина

Выпускающий редактор: А.Однорал

Распространяется бесплатно.

Подписан к печати 06.02.04

Рег. ПИ № 77-17214 от 30.12.2003

197005, г.Москва ул.Радио д.12 стр.11

тел/факс 740-36-11

Макет и верстка: Центр «Сопри+астность»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются